Орхидея с каплей крови

Автор:
Наталия Антонова

Орхидея с каплей крови

Наталия Николаевна Антонова

Уютный детективЧастный детектив Мирослава Волгина #22

Детектив с любимыми героями и неожиданными поворотами в расследовании!

Наталия Антонова представляет новый уютный детектив «Орхидея с каплей крови». Даже накануне Дня Всех Влюбленных случаются преступления, и парочке Мирославе и Морису придется заняться расследованием…

Инна шла в гости к своей подруге, как вдруг увидела, что дверь приоткрыта. Оказалось, кто-то проник в квартиру Жанны и убил ее! Следов взлома не обнаружено, дверь открывали родным ключом. А их было всего два: у Жанны и ее возлюбленного Влада. Точнее, три: еще один имелся у домработницы, но женщину убили три с половиной месяца назад. Следователь Наполеонов уверен, что преступник – Влад, так как на его рукаве обнаружили следы крови, только вот частный детектив Мирослава Волгина считает, что настоящего убийцу еще нужно поискать.

Уютные детективы о мире богатых, интеллигентных людей, жизнь которых перечеркивают преступления, за которые берется талантливый частный детектив Мирослава и ее неотразимый помощник Морис. Теплое, милое оформление, напоминающее о провинциальной жизни с теплым котиком на коленках, привлечет мечтательных женщин в возрасте, уставших от телевизора.

Наталия Антонова

Орхидея с каплей крови

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Яркая луна висела в тёмном небе точно хрустальный магический шар. И не хватало только зеркальных отражений, потому что реки, озёра и ручьи были не просто покрыты льдом, но и запорошены снегом…

Морис Миндаугас, сотрудник детективного агентства «Мирослава», стоял у окна и думал о том, как быстро летит время. Совсем недавно они втроём, нет, вернее, вчетвером, хозяйка частного детективного агентства Мирослава Волгина, следователь по особо важным делам Александр Наполеонов, для друзей просто Шура, сам Морис и кот Дон встречали Новый год, и вот уже, как говорят в России, на носу День святого Валентина. Трудно сказать, прижился ли здесь этот праздник влюблённых. Вроде бы да и в то же время не очень. Опять же, как говорят русские, бабушка надвое сказала. Но ему этот праздник нравился, и он пытался придумать, что же такое подарить Мирославе, чтобы подарок наверняка обрадовал её. Шура, будучи другом детства Волгиной, уверял Мориса, что знает её как облупленную и то ли в шутку, то ли всерьёз утверждал, что сделать Волгину счастливой может только кот.

– Но кот у Мирославы уже есть! – возражал Морис.

– Тогда – загадочное преступление, – не задумываясь ни на секунду, отвечал Наполеонов.

– Типун тебе на язык! – чисто по-русски в сердцах восклицал Миндаугас. Он даже мысли не допускал, что убийство может кого-то сделать счастливым, и пытался донести эту мысль до Наполеонова.

Но тот отмахивался:

– Я сказал тебе русским языком, расследование убийства, а не само убийство как таковое. – Наполеонов выразительно постучал костяшками пальцев по собственному лбу.

– Слова «расследование» ты не произносил! – рассердился Морис.

– Значит, я подумал об этом про себя, – хмыкнул Шура.

– Ты невыносим!

– Ничего подобного! – не согласился Наполеонов, уверенный в том, что он подарок судьбы для любого, с кем ему доводилось общаться.

Так что вопрос о подарке так и остался висеть в воздухе.

* * *

Влад не помнил, как он добрался до своей холостяцкой квартиры, как непослушными пальцами вставил ключ в замочную скважину, как открыл дверь, не раздеваясь, прошёл в комнату и упал в кресло.

Снег таял на его волосах и стекал вниз по щекам и подбородку, оставляя влажные дорожки, точно такие, как оставляют слёзы от переполняющей душу боли. Хотя он сам не понимал, плакал ли он и смешивались ли его слёзы с каплями растаявшего снега.

Опомнившись, наконец, он прижал ладони к щекам и, раскачиваясь из стороны в сторону, повторял одно и то же:

– Жанна! Как же так, Жанна! Как ты могла?!

Он так и просидел до утра в кресле. И ничуть не удивился тому, что дверь его квартиры распахнулась и комнату заполнили люди в форме и без неё. Влад и не думал сопротивляться, когда на него надели наручники, покорно спустился вниз и сел в полицейскую машину.

Вот только на допросе у следователя он упорно отрицал свою вину, повторяя одно и то же:

– Я не убивал Жанну. Я любил её.

Глава 1

Выпавший в начале ночи снег ещё не успел посереть от выхлопных газов и переливался всеми цветами радуги под лучами утреннего солнца.

Инна выбралась из машины. От автостоянки до дома подруги пройти пешком всего ничего. Шла она не спеша, с удовольствием, поглядывая по сторонам.

Улыбнулась и произнесла еле слышно:

– Красиво-то как! На деревьях иней, как на ресницах Снегурки.

Инна набрала номер кодового замка, вошла в подъезд, поднялась на второй этаж, собралась позвонить в дверь и вдруг заметила, что та приоткрыта. «Странно, – подумала Инна, – не похоже на Жанку». Но забыв о предосторожности, она толкнула дверь и вошла в прихожую, крикнула с порога:

– Жанна!

Ей никто не ответил, Инна хотела разуться, но передумала, прошла по коридору и заглянула в гостиную. Никого. Дверь в спальню была закрыта. «Неужели спят до сих пор, – подумала она с улыбкой, – умаялись небось за ночь голубки», – и постучала костяшками пальцев по двери, а потом нажала на ручку.

То, что она увидела, лишило её дара речи на несколько секунд. А потом она закричала так, как никогда в жизни не кричала, и опрометью бросилась из квартиры.

Опомнилась женщина только на лестничной площадке. И вызвала полицию. «Скорую» вызывать не стала. Её бедной подруге теперь ни один врач не поможет, будь он хоть самим Гиппократом.

Шура, он же следователь Александр Романович Наполеонов, проснулся в прекрасном настроении у себя дома, в собственной постели. «Как хорошо», – подумал он, приоткрывая глаза и успевая заметить сквозь ресницы то, как разлетаются остатки сладкого сна. Улыбка, появившаяся на его губах, устроилась поудобнее в уголках рта.

Чему он радовался? В молодости люди часто радуются таким простым вещам, как никем не потревоженный сон, домашнее тепло, звук маминых шагов, позвякивание посуды на кухне, аромат крепкого кофе, шкворчание яичницы.

А тут ещё за окном пушкинский пейзаж:

Под голубыми небесами

Великолепными коврами,

Блестя на солнце, снег лежит…

Короче – мороз и солнце!

«Прямо как в детстве, – подумал Шура, выбравшись из постели, он на цыпочках подошёл к окну и, отодвинув штору, стал смотреть на улицу, – неужели в городе воздух стал чище? Хотя с чего бы это? Автомобили со двора и тем более с улиц никто не выгонял».

Шура вздохнул, потёр одной босой ногой о другую, постоял ещё немного так в позе цапли, переменил ногу, потянулся и направился в ванную. «Интересно, что сегодня приготовил на завтрак Морис». Наполеонов поймал себя на том, что, вспоминая о подруге детства Мирославе Волгиной, он всё чаще думает не о ней, а о Миндаугасе, вернее, о том, что же вкусненького тот приготовит к его появлению в их доме. Шура засовестился, встал под душ, а потом принялся изо всей силы растирать своё тело махровым полотенцем.

Войдя на кухню, он первым делом чмокнул в щёку мать:

– Доброе утро, ма!

– Доброе утро, сыночка, – отозвалась Софья Марковна, довольная уже тем фактом, что сын ночевал дома и теперь она может накормить его завтраком.

– Надеюсь, что яичница сегодня с беконом? – напустив на себя притворную важность, спросил Шура.

– Ешь с чем дают! – весело отозвалась мать.

– Значит, бекона нема? – Шура забавно принюхался к еде на своей тарелке.

– Нема, – согласилась Софья Марковна, – зато ветчина фермерская и очень вкусная.

– Ладно уж, поверю тебе на слово, – проворчал сын и принялся за обе щёки уплетать яичницу, приготовленную матерью. – Ма, а знаешь, вкусно, – проурчал он.

– Догадываюсь, – усмехнулась женщина и тоже стала есть.

– Ма, а булочка есть? – жалобно спросил Шура, отодвигая от себя опустевшую тарелку.

– Какая ещё булочка? – сделала она вид, что не понимает.

– С изюмом!

– Ты хочешь из неё изюма себе наковырять? – спросила Софья Марковна, стараясь изо всех сил не рассмеяться.

– Ма! Я серьёзно! – обиженно проговорил сын. – А ты всё какие-то детсадовские анекдоты вытаскиваешь на свет божий, которым уже сто лет, кстати.

– Булочки нет, – серьёзно ответила Софья Марковна, – зато есть ватрушки с творогом, такие, как ты любишь.

– А где они? – живо отреагировал сын.

– В духовке, вестимо!

– А я-то думаю, откуда это так вкусно ванилином пахнет. – Шура от предвкушения предстоящего удовольствия радостно потёр одну ладонь о другую.

Софья Марковна смотрела на него и улыбалась, а думала она о том, что в последние годы не так уж часто выпадает ей возможность побаловать сына его любимыми лакомствами. Он либо пропадает на работе с раннего утра до позднего вечера, а иногда и ночами, свои свободные вечера и выходные предпочитает проводить с друзьями, как правило, в доме у своей подруги детства, ныне частного детектива Мирославы Волгиной. Софья Марковна отлично понимала сына и не обижалась на него. Сама когда-то была молодой.

Впрочем, и сейчас она не считала себя старой, имела широкий круг подруг и знакомых, вела активный образ жизни. К тому же, несмотря на то, что Наполеонова давно не вела концертную деятельность и не преподавала, она по-прежнему охотно консультировала своих многочисленных бывших учеников и время от времени бралась заниматься с новыми. Детей же, желающих получить уроки у Софьи Наполеоновой, всегда хватало.

Глядя на сына, с удовольствием бренчащего на гитаре, Софья Марковна вздыхала украдкой. В своё время она надеялась, что единственный сын пойдёт по её стопам, на рояле Шура играл бегло, но научился игре, только чтобы угодить матери. И после того как она перестала просить его сесть за инструмент, он и не смотрел в сторону рояля.

Зато друг Шуры сотрудник детективного агентства «Мирослава» Морис Миндаугас играл на рояле великолепно! И можно без преувеличения сказать, самозабвенно, так как во время игры полностью уходил в мир музыки. Но музыкантом тоже не стал. Мечтал стать адвокатом. А стал сыщиком. Правильно заметил поэт, что «нам не дано предугадать…» и не только, как отзовётся наше слово, но и наши планы на будущее.

Софья Марковна считала, что у Миндаугаса талант, и когда он появлялся в их доме, усаживала его за рояль. Он и не возражал. Глядя на его летающие над клавишами длинные ухоженные пальцы, она думала о том, что причиной его пребывания в их городе была Мирослава. Не встреть её Морис, только бы его здесь и видели.

Интересно то, что Наполеоновой никогда не приходило в голову, что её Шура тоже может влюбиться в Мирославу или она в него. Эти двое с самого первого дня, а познакомились они в раннем детстве, относились друг к другу, как брат с сестрой. Правда, был ещё третий, двоюродный брат Мирославы Виктор, самый близкий друг Шуры Наполеонова. Виктор пошёл по стопам своего отца, выбрал профессию военного и давно уже не был дома. Можно вспомнить и о Людмиле Стефанович, которая была четвёртой в их детской и подростковой компании. Но сейчас Шура виделся с Люсей редко, так как интересы их разошлись. У Шуры следственная работа, а у Людмилы автосервис.

Зато с родителями Люси Софья Марковна виделась часто, они по-прежнему жили в одном дворе. Несмотря на то что средства на приобретение новой квартиры у них теперь имелись: отец был в бизнесе компаньоном дочери, менять старое привычное жильё на новостройку старшие Стефановичи не собирались.

– Ма, ты о чём задумалась? – окликнул Софью Марковну сын.

– О тебе, Шурочка, – тотчас откликнулась она.

– Ты знаешь, ма, я бы съел ещё одну ватрушку, но боюсь, что тогда не пролезу в дверь своего кабинета. – Он весело рассмеялся.

– Потом доешь, – сказала Софья Марковна, – ватрушка от тебя никуда не убежит.

– Ты уверена? – спросил он, и на лице его было разлито большое сомнение.

– Уверена, – улыбнулась мать.

– Так и быть, оставлю её на потом, но только под твою личную ответственность, – проговорил он строгим голосом.

– Иди уж на работу, прокурор!

– Ма! Ты что-то путаешь! Я не прокурор, а следователь.

– Но тон у тебя прокурорский, – не сдавалась мать.

– Наверное, до прокурора я дорасту в будущем, – улыбнулся Шура, – а пока голос тренирую.

Софья Марковна шутя замахнулась на сына кухонным полотенцем, и он тотчас испарился. Уже из прихожей она услышала его голос:

– Пока, мамуля! Я тебе позвоню!

– А где обнимашки? – спросила Софья Марковна капризно. Но за сыном уже захлопнулась дверь, и она рассеянно улыбнулась, переключаясь мысленно на дела, которые у неё запланированы на сегодня.

Из дома Шура вышел в прекрасном настроении, весело напевая себе под нос одну из песенок собственного сочинения. Вывел из гаража свою белую «Ладу Калину», любовно погладил её по капоту:

– Ласточка моя, – и сел за руль.

Пробки ещё не успели образоваться, да и дороги, вычищенные ночью, ещё не успел занести снег, так что своё прекрасное настроение до работы Шура Наполеонов по дороге не расплескал.

Войдя в родное учреждение, он едва удержался от того, чтобы не побежать вверх по лестнице вприпрыжку, но сдержал себя и поднялся чинно и степенно, как и полагается ответственному лицу, то есть следователю. Проходя мимо секретаря Эллы Русаковой, он приветливо с ней поздоровался и даже улыбнулся девушке.

Она, по всей видимости, тоже была рада его видеть и, не в силах сдержать распирающее её чувство, даже подскочила на стуле. Наполеонов слегка попятился назад. Не собирается ли она, чего доброго, броситься ему на шею. К

этому он был не готов. Он уже хотел было сказать ей, что нельзя так бурно проявлять свои чувства. Но нет, она не собиралась бросаться в его объятия, просто громко воскликнула:

– А я прямо заждалась вас, Александр Романович!

– Я, конечно, тронут. Но с чего бы это? – отозвался он осторожно.

– Так вас уже несколько раз Фёдор Поликарпович спрашивал! Вот я и сижу, вас дожидаясь, как на иголках.

– Такую рань? – вырвалось у Наполеонова.

Элла только пожала плечами.

Солодовников Фёдор Поликарпович был начальником Наполеонова, и если он искал его с самого утра, то это не могло предвещать ничего хорошего.

– И зачем я ему понадобился? – спросил он Эллу на всякий случай.

– Мне об этом он не доложил, – Элла развела руками, словно выражая таким образом меру своего сожаления о нежелании начальства вводить в курс дела секретаря.

«Вот, – подумал следователь, – всегда найдутся люди, которые испортят тебе самое распрекрасное настроение». Наполеонов не раз убеждался в этом на собственном опыте, но всякий раз верил, что уж сегодня-то всё будет ровно и гладко. Так нет же! Вздохнув, он отправился к начальству. Можно было бы, конечно, позвонить из своего кабинета и спросить – чего, мол, сударь, изволите.

Но лучше сразу предстать пред взором полковника, чем откладывать и теряться в догадках.

Шура постучал в дверь и услышал ласковое:

– Кого там в такую рань принесло? – и без паузы: – Заходите, раз уж всё равно пришли!

Шура толкнул дверь и вошёл.

– Здравствуйте, Фёдор Поликарпович! – бросился он сразу с места в карьер. – Элла сказала, что вы меня искали.

– Искал, скажешь тоже, – хмыкнул полковник, – мы, чай, не в прятки играем здесь.

– Ну, я в том смысле, – начал Наполеонов.

– Ладно, Саша, не обращай внимания на моё стариковское ворчание, – махнул рукой полковник.

– Какой же вы старик…

– И этого не надо. Обойдёмся без комплиментов.

– Как скажете.

– Ты, Саша, присаживайся.

Солодовников был единственным человеком, который никогда не называл Наполеонова Шурой. Только Саша, Александр и в особых случаях – Александр Романович.

– Я тебя чего искал? – проговорил полковник.

«Чего?» – хотел спросить Наполеонов, но благоразумно промолчал.

– У нас происшествие, убийство.

«Эка невидаль», – подумал Наполеонов.

– И не просто убийство, – проговорил меж тем Солодовников, – а зверское, можно сказать. Ребята, – полковник имел в виду группу, – уже там. Так что ты

тоже поезжай! Адрес я тебе сейчас скажу…

Наполеонову захотелось сказать: «Что, без меня и послать некого?» – но он благоразумно промолчал, запомнил адрес и потопал к двери. Уже в дверях обернулся и спросил:

– Разрешите идти?

– Иди уже, – махнул рукой Солодовников.

– Хоть бы слово какое напутственное сказал, – пробурчал себе под нос Наполеонов, оказавшись за дверью, и сам себя передразнил: – Может, тебя ещё перекрестить начальство должно было? – «А может, он и того этого, – промелькнуло в мыслях у Шуры, – я же не оглянулся».

Глава 2

Прибыв на место, Наполеонов вытащил удостоверение и собрался сунуть его под нос полицейскому в оцеплении, но его узнали.

– Здрасьте, Александр Романович! Проходите. Вас уже заждались.

– И вам не хворать, – буркнул в ответ следователь и поспешил зайти в подъезд.

– Чего это он? – спросил один полицейский другого.

– Здоровья нам пожелал, – хмыкнул тот в ответ.

– А… я думал, что он не в духе.

– Не без этого, – отозвался первый.

– И то верно, чему тут радоваться. Собачья работа.

– Так шёл бы в офис штаны просиживать. Теперь вон, куда ни кинь, везде одни менеджеры и бизнесмены.

– Ага, Виталь, – засмеялся его напарник, – умеешь ты рассмешить человека.

– Чего смешного-то я сказал? – не понял первый.

– Просто я представил себя менеджером, а тебя бизнесменом. И ржу – не могу.

Первый тоже невольно улыбнулся.

Войдя в квартиру, Наполеонов поздоровался со всеми сразу. Ему ответили, правда, не хором, а вразнобой.

– Опаздываешь, Александр Романович, – пробасил эксперт Незовибатько.

– Начальство не опаздывает, а задерживается, Афанасий Гаврилович, – попытался отшутиться Наполеонов.

Полицейский фотограф Валерьян Легкоступов, не переставая щёлкать фотоаппаратом, фыркнул, за что был награждён негодующим взглядом следователя. Но с Легкоступова всё как с гуся вода.

– Знамо дело, – пропыхтел криминалист.

– А вот ей, бедняжке, и спешить теперь незачем, – кивнув на раскинувшуюся на полу фигуру, проговорил медэксперт Шахназаров.

– Какова причина смерти, Руслан Каримович? – спросил следователь.

– Предварительно скончалась она от полученных ран, не совместимых с жизнью. Подробности – сам знаешь когда, – отозвался Шахназаров.

– Она, сердешная, кровью истекла, – с тихой горечью произнёс Незовибатько, – молодая, красивая. – Он вздохнул.

– Насчёт молодости не уверен, – не выдержал кто-то из полицейских, – но то, что она не была бедной, видно и по ней, и по квартире.

– Завидуй молча, – посоветовал Легкоступов.

– Чему завидовать-то, – невольно вырвалось у полицейского.

– Это точно, – согласился Валерьян и встал на колени, выискивая наиболее удачный ракурс так близко от убитой, что Наполеонов не выдержал:

– Ты сейчас в кровь вляпаешься!

– Не вляпаюсь. – Легкоступов легко вскочил на свои длинные стройные ноги – мечту не одной женщины.

А следователь только головой покачал. Сколько раз он уже говорил Валерьяну, чтобы тот шёл работать в какое-нибудь модельное агентство или куда-нибудь ещё подальше. От его художественных изысков у следователей и оперов волосы на голове иной раз дыбом становятся. И всё-таки Наполеонов не мог не признать, что несколько раз именно пристальный взгляд фотографа, запечатлевший, казалось бы, не относящиеся к убийствам мелочи, помог в раскрытии преступлений. «Так что пусть себе скачет, как упомянутый в сотнях приколов муж стрекозы», – подумал следователь о фотографе.

Однако, не утерпев, Наполеонов и сам подошёл почти вплотную, он хотел узнать, что же привлекло внимание фотографа на этот раз. Ему показалось, что это был горшок со сломанной орхидеей, лепестки которой теперь были запачканы кровью. Создавалось такое впечатление, что убийца перед тем, как расправиться с жертвой, вручил ей этот цветок. «По идее, там должны остаться отпечатки пальцев, – промелькнула мысль, – если их не смыла кровь. Только бы не маньяк», – подумал следователь. Не секрет, что серийные убийцы любят оставлять возле жертв всевозможные знаки.

Вздохнув, Наполеонов спросил:

– Жертва, насколько я понимаю, опознана?

– Да, – ответили ему, – это Жанна Савельевна Гурьянова.

– Кто обнаружил убитую?

– Дамочка, – ответил присутствующий здесь участковый.

– Какая ещё дамочка? – сердито спросил следователь. Но особо выговаривать не стал, так как участковый был в годах и старше его лет на тридцать. «Бедняге давно на пенсию пора, – подумал Наполеонов, – а он всё лямку тянет».

– Жертву обнаружила Инна Сергеевна Соболева. Подруга убитой, – отчеканил вынырнувший из-за спины участкового старший лейтенант Аветик Григорян.

– Где она?

– Мы её на кухню увели. Там с ней Любава беседует.

– Под протокол?

– Нет. Мы вас ждали.

– Ладно, веди, – распорядился следователь.

Старший лейтенант Любава Залеская сидела напротив худощавой крашеной блондинки и что-то тихо ей говорила. Та то кивала головой, то прикладывала к глазам тонкий шёлковый платочек, то просто вздыхала часто и глубоко, точно ей не хватало воздуха. Залеская, увидев следователя, сразу вскочила со стула.

– Сиди, сиди, – проговорил Наполеонов.

И она опустилась обратно, но потом снова поднялась:

– Вам, Александр Романович, лучше со свидетельницей наедине поговорить, а мы пока там подождём, – она махнула рукой куда-то, то ли в сторону прихожей, то ли в направлении комнаты, где обнаружили убитую. Подхватив под руку слегка растерявшегося Аветика, она потащила его за собой.

Григорян обернулся, бросил на следователя вопрошающий взгляд, но тот только рукой махнул, иди, мол.

Присев на стул, с которого только что поднялась Залеская, Наполеонов представился:

– Я следователь, Александр Романович Наполеонов. Мне поручено вести это дело.

– Дело? – как-то странно повторила женщина дрогнувшим голосом и выронила из рук платок. Наполеонов проследил за ним взглядом, но поднимать не стал.

Вместо этого проговорил поспешно:

– Тише-тише, – схватил стоявший на столе стакан и налил в него из кувшина воду, – вот, выпейте.

– Не хочу, – покачала головой женщина, – я уже половину этого кувшина выпила, не могла отказать вашей сотруднице, – горькая усмешка искривила её полные губы. Поймав озабоченный взгляд следователя, она добавила: – Вы не бойтесь, истерики не будет.

– Я и не боюсь, – солгал он, хотя всегда боялся неуёмного плача свидетелей и родственников. Попросил тихо: – Представьтесь, пожалуйста.

– Я уже говорила вашим людям, – вздёрнула подбородок женщина, – что я Инна Сергеевна Соболева.

Наполеонову не понравилось ни выражение «вашим людям», ни тон, которым оно было произнесено, точно дамочка, как верно назвал её участковый, говорила о крепостных некоего барина. Они, конечно, люди служивые и где-то даже подневольные, но не крепостные же. Однако следователь умело скрыл своё недовольство и спросил сухо:

– У вас паспорт при себе?

– Зачем?

– Вы важный свидетель, и мне нужно опросить вас под протокол.

– Какой же я свидетель? – тихо вскрикнула она. – Я же ничего не видела! Иначе бы он и меня убил!

– Кто он?

– Откуда мне знать!

– Так паспорт у вас при себе? – напомнил следователь.

Она достала из сумочки, лежавшей здесь же на столе, паспорт и протянула ему.

– Спасибо, – ответил он и стал заполнять шапку протокола.

Она молча теребила свои холёные пальцы с ногтями, окрашенными в зелёный цвет.

Наполеонов старался не смотреть на них, его экстатически чуткая душа не принимала всех этих ультрасовременных оттенков. А с его впечатлительностью, с которой он боролся чуть ли не с самого детства, ему вполне могла ночью присниться кикимора, высовывающая руки с зелёными ногтями из болота. А над всей этой утопией для полноты картины блуждающие огоньки. Короче, ужас! Наполеонов поёжился и вернулся к реальности.

– Инна Сергеевна! Кем вы приходитесь Жанне Савельевне Гурьяновой?

– Подругой. Близкой подругой, – добавила она с нажимом в голосе.

– Давно вы с ней дружите?

– С института.

– Там и познакомились?

– Да! Где же ещё?!

«Мало ли имеется мест для знакомства», – подумал следователь и задал следующий вопрос:

– У Гурьяновой была семья?

Соболева посмотрела на него пустым взглядом и ничего не ответила.

– Жанна Савельевна жила одна? – решил подойти он с другого конца.

Женщина закусила губу, посмотрела куда-то мимо следователя, потом ответила, как бы через силу:

– Нет.

– С кем же она жила?

– С Владом.

– У Влада есть фамилия?

– Есть. Влад Анатольевич Шафардин.

– Шафардин был любимым человеком вашей подруги? – предположил Наполеонов.

– Можно сказать и так, – отозвалась она отстранённо.

– Они постоянно жили вместе?

– Чаще всего да.

– То есть?

– У Влада есть своя квартира. Иногда он ночевал там.

– Они часто ссорились?

– С чего вы взяли, что они вообще ссорились?! – искренне удивилась женщина.

– Тогда почему Шафардин уходил ночевать в свою квартиру?

– Это случалось очень редко!

– Ссоры?

– Да нет же! Ночёвки Влада у себя. Только когда кто-то из них был занят допоздна.

– А чем занимается Шафардин?

– Влад стриптизёр.

Наполеонов присвистнул про себя. Вслух он сказал:

– Всё понятно.

При этом он невольно вспомнил свою подругу Мирославу Волгину и подумал, что она-то уж точно обозвала бы его ханжой. А он не ханжа! А просто, как говорили раньше, «облико морале».

– Да ничего вам не понятно! – рассердилась Инна Сергеевна. – Влад танцует в приличном клубе.

– Ну да, – кивнул Наполеонов без особого энтузиазма.

– И там не происходит то, о чём вы думаете! – выкрикнула Соболева.

– Вы умеете читать мысли? – холодно поинтересовался он.

– К своим тридцати пяти годам я научилась это делать! – вырвалось у неё.

– Так чего же не происходит в клубе, в котором танцует Влад?

– Артисты этого клуба не оказывают горизонтальных услуг.

– А как же тогда Влад и ваша подруга?

– У них любовь.

«Я так и думал, что это так теперь называется», – подумал про себя Наполеонов, а вслух спросил:

– Познакомились они в клубе?

– Да! Но я ещё раз повторяю вам, что это ничего не значит!

– Не надо повторять, я понятливый, всё улавливаю с первого раза, – не без иронии проговорил он.

Она презрительно фыркнула.

– Как называется клуб?

– «Ромео».

– Без Джульетты?

– Просто Ромео!

– Хорошо, пусть будет просто Ромео. – Неожиданно для Инны Сергеевны следователь переменил тему: – Как ваша подруга относилась к орхидеям?

Глаза Соболевой округлились от удивления, но она ответила:

– Жанна их обожала!

– Влад Шафардин часто ей их дарил?

– Да. Но почему вы об этом спрашиваете?

Следователь догадался, что Инна Сергеевна не видела, вернее, не заметила поломанной орхидеи возле трупа своей подруги, поэтому он ответил уклончиво:

– Просто пытаюсь понять…

– Что понять?

– Какой была ваша подруга. Что она любила и что не любила.

– Зачем это вам? – подозрительно спросила женщина.

– Для того чтобы вычислить убийцу, нужно изучить характер жертвы. Прописная истина, – пожал плечами следователь.

– По-моему, вы занимаетесь ерундой, – раздражённо проговорила Соболева.

Наполеонов не стал спорить. Вместо этого он спросил:

– Сегодня Влад должен был ночевать у вашей подруги?

– Я так предполагала. Хотя доподлинно мне это неизвестно.

– Но зато, как я думаю, адрес Шафардина вам доподлинно известен. Продиктуйте мне его, пожалуйста.

Уловив скрытую иронию в голосе следователя, Соболева передёрнула плечами. «Не нравлюсь я этому мальчику-с-пальчик. Ну и чёрт с ним», – подумала она. Смысла в том, чтобы скрывать адрес Влада, Соболева не видела, поэтому назвала его, не заставляя следователя ждать.

– Спасибо, Инна Сергеевна. И ещё один вопрос.

– Какой? – спросила Инна Сергеевна без особого интереса.

Наполеонов догадался, что женщина не верит в то, что полиция найдёт убийцу её подруги, и вообще относится к полиции предвзято. Поэтому он осторожно дотронулся до её руки и проговорил успокаивающим тоном:

– Мы найдём того, кто это сделал.

Она посмотрела ему в глаза, и Наполеонов заметил, что в её серых глазах плавают золотистые искорки. «Инна Сергеевна красивая женщина», – невольно подумал он.

Руки своей Соболева не отдёрнула, просто попросила устало:

– Задавайте поскорее свой вопрос и, ради бога, отпустите меня отсюда. У меня уже больше сил нет, – призналась она.

– Вы заранее договорились встретиться с Жанной Савельевной или нагрянули по наитию?

– По наитию? – удивилась она. – Это как?

– Например, вы случайно оказались в этом районе и решили зайти к подруге.

– Без звонка? – Изогнутые дугой брови женщины поползли вверх.

Наполеонов пожал плечами:

– Вы могли позвонить ей, но она не отозвалась.

– Нет. – Соболева так сильно помотала головой, что её волосы, до этого спокойно лежавшие на плечах, разлетелись во все стороны, в том числе упали и на лицо. Она поправила их нетерпеливым жестом. – Конечно, мы договорились с Жанной заранее. И я постаралась прийти к точно назначенному сроку. – Потом женщина

посмотрела на следователя с некоторым сомнением и произнесла:

– У вас точно больше нет вопросов?

– Пока нет. Подпишите, пожалуйста, протокол.

– Но вы не спросили, зачем я пришла к Жанне!

Он промолчал, задумчиво глядя на её кольцо, усыпанное двумя параллельными рядами небольших бриллиантов. На вид оно выглядело как серебряное, но следователь был уверен почти на сто процентов, что это платина.

Она перехватила его взгляд, облизала пересохшие губы и проговорила лишённым всякого выражения голосом:

– Мы собирались сегодня в салон за моим свадебным платьем. – Её глаза наполнились слезами. – Вообще-то я собираюсь замуж, вернее, собиралась, – поправилась она и вытерла слёзы тыльной стороной ладони.

Наполеонов вспомнил о её валявшемся где-то на полу тонком носовом платочке. «Надо было поднять, – запоздало укорил он себя и тут же подумал: – А ведь в сумочке у неё наверняка есть бумажные платки». И это размазывание по лицу слёз рукой, казалось бы, такая мелочь, больше всех слов убедило следователя в том, что Инна Сергеевна по-настоящему сокрушается о своей подруге.

Он ещё не успел открыть рот, как она воскликнула:

– Мой Игорь не стриптизёр!

– Игорь?

– Мой жених! И не смейте так думать о нём!

– Помилуйте, Инна Сергеевна, у меня ничего такого и в мыслях не было!

Судя по взгляду женщины, следователь понял, что Соболева ему не верит.

– И фамилия его Иванов! – произнесла она с вызовом.

– Очень хорошая фамилия, – выдохнул следователь, – Русью пахнет.

– Только не надо ёрничать! Да! Он Иванов! Не Сидоров! И не Петров!

– Инна Сергеевна, успокойтесь, пожалуйста. – Наполеонов всё-таки налил ей воды и заставил выпить. – Вы посидите здесь, я сейчас.

Наполеонов метнулся в спальню. Труп уже увезли.

– Где Шахназаров? – выкрикнул он с порога.

– Только что здесь был, – ответили ему, – наверное, к выходу пошёл.

Следователь бросился догонять судмедэксперта и нагнал его уже на лестничной площадке.

– Руслан Каримович! – закричал он. – Погоди!

– Что такое? – спросил Шахназаров.

– Там свидетельнице плохо, вот-вот истерика начнётся.

– Валерьянки ей накапай!

– Боюсь, не поможет. Сделай что-нибудь.

– Вообще-то я занимаюсь совсем другими пациентами. – Он пригладил свои густые чёрные усы.

– Ничего! Для разнообразия поможешь живому человеку. – Наполеонов ухватил Шахназарова за рукав.

Судмедэксперт не стал упрямиться и позволил следователю затащить себя обратно в квартиру. Когда мужчины вошли на кухню, Соболева по-прежнему

сидела с пустым стаканом в руках и смотрела прямо перед собой остекленевшим взглядом.

Судмедэксперт открыл свой саквояж, достал шприц и ампулу. Приблизившись к женщине мягкими шагами, он проговорил не менее мягким голосом:

– Сейчас комарик укусит, и будет легче.

«Чего он несёт, – подумал следователь, – какой комарик? И кому это становилось лучше после укуса комара?»

Шахназаров тем временем закатал рукав на руке женщины и ввёл ей какое-то лекарство.

Судя по тому, что Соболева даже не пошевелилась, следователь решил, что она надолго выпала из реальности.

– Что же мне с ней делать? – задал он риторический вопрос.

– Ты меня спрашиваешь? – удивился Шахназаров.

– Нет, просто я рассуждаю вслух.

– Ну, если рассуждаешь, тогда ладно, – спрятав улыбку в усах, проговорил Шахназаров, – но на всякий случай не тревожь её минут пять, и она придёт в себя.

– Ты не обманываешь?

– Шура! Что ты прямо как маленький?! – укоризненно проговорил Шахназаров.

– Ладно, ладно, спасибо тебе! Я просто хотел уточнить, – быстро ответил Наполеонов.

– Тогда я ухожу.

– Иди! А то тебя уже твои клиенты заждались.

– Тоже мне шутник нашёлся.

Шахназаров сказал чистую правду, примерно через пять минут Соболева зашевелилась на стуле и спросила:

– И что теперь?

– Сейчас вас, Инна Сергеевна, наш сотрудник отвезёт домой.

– Не надо, – ответила она, – у меня машина стоит здесь недалеко на стоянке. – Соболева встала на ноги и покачнулась.

– Так наш сотрудник и отвезёт вас на вашей машине.

– А как же он вернётся?

– Это не должно вас волновать, – ответил следователь. Хотя заданный ею вопрос пробудил в нём симпатию к «дамочке». Выходит, она могла волноваться за других, совершенно посторонних ей людей.

Отыскав Григоряна, Наполеонов поручил ему доставить гражданку по месту её жительства и вернуться обратно на такси.

– Понял! – ответил Аветик и кинулся следом за уже спускающейся по лестнице Соболевой. Взять женщину под руку оперативник, конечно, не решился, но, шагая сначала чуть позади неё, потом рядом с ней, был настороже, чтобы в случае чего сразу подхватить её и не дать упасть. Но, к облегчению старшего лейтенанта, всё обошлось благополучно. Вернувшись, Аветик отчитался перед следователем, который уже вышел на улицу и вместе с группой собирался ехать на квартиру Шафардина.

Глава 3

Квартиру Шафардина не пришлось взламывать, в неё не понадобилось даже звонить, так как дверь не была заперта.

– Заходи, кто хочешь, и бери, что хочешь, – проворчал вполголоса участковый, – а потом полиция ищи-свищи ветра в поле.

– Тсс, – приложил Наполеонов палец к губам.

– Не дай бог, ещё один труп, – шёпотом сказал один из оперативников.

– Не накаркай, – отозвался другой.

– Не люблю я незапертые квартиры.

– А кто их любит.

– Чего вы раскудахтались, как куры! – прикрикнул на них Наполеонов и первым вошёл в квартиру.

Все сразу умолкли и на цыпочках отправились за ним. В квартире стояла такая тишина, что было слышно, как тикают часы.

«Ну, точно труп», – пронеслось в головах почти у всех присутствующих. И тут они вошли в комнату и увидели, что в кресле кто-то есть. Живой или нет, неизвестно, подозрение вызывало уже то, что при их появлении человек не пошевелился. Он никак не прореагировал на то, что его окружили люди. Однако он был жив. И следователь догадался, что это не кто иной, как Влад Анатольевич Шафардин, хозяин квартиры.

На мужчине была верхняя одежда, с которой натекла вода, образовав лужу возле кресла, поэтому стало понятно, что Шафардин выходил из дома, и скорее всего в начале ночи или хотя бы в её первой половине, так как попал под снег, который шёл именно в то время.

– Влад Анатольевич Шафардин? – спросил Наполеонов.

Мужчина не отозвался.

– Мы тут осмотримся? – продолжил спрашивать следователь.

В ответ снова ни звука.

– Хозяин не возражает, – констатировал Наполеонов, – давайте, ребята, приступайте.

– А ордер? – забеспокоился участковый.

– Я послал за ним Ахметова, Ринат вот-вот подъедет. Но не будем терять время.

– Пригласите понятых, – обратился он к участковому, и тот вскоре привёл двух соседок, одной на вид было лет тридцать, другой больше семидесяти.

Молодая смотрела с явным любопытством, на просьбу Наполеонова представиться отозвалась сразу:

– Марина Витальевна Косицына, живу в квартире напротив.

– Вы давно знаете Шафардина?

– Лет пять, наверное, с тех пор, как он в эту квартиру въехал. – Косицына посмотрела на сидящего в кресле соседа и добавила: – Но пьяным я его ни разу не видела.

– С чего вы взяли, что он пьяный?

– Ну, как же, – проговорила женщина, – посмотрите на него сами.

– Уже смотрел, – отмахнулся Наполеонов и спросил: – Эта квартира досталась ему по наследству?

– Нет, по-моему…

– Купил он её! Купил! – влезла в разговор старая женщина.

– Простите, как вас звать-величать? – спросил Наполеонов почтительным тоном.

– Авдотья Фёдоровна Крамова я! Живу в углу.

– Где? – не понял следователь.

– У бабы Дуни угловая квартира, – пояснила Косицына.

– Точно! Я и говорю, в углу!

– Авдотья Фёдоровна! Откуда вы знаете, что квартиру ваш сосед купил?

– Он мне сам сказал.

– Просто взял и доложился? – усомнился следователь.

– Почему сразу доложился? – поджала губы Крамова. – Я спросила, он ответил. Я ещё удивилась, на какие шиши такой молодой парень себе квартиру купил.

– И он ответил? – невольно улыбнулся следователь.

– Нет, он только так загадочно улыбнулся мне, точно я малолетняя дурочка, – сердито проговорила женщина, – но я сама всё узнала! – в голосе женщины точно фанфары прозвучала гордость за себя.

– Что всё?

– Где он деньги берёт.

– И где же?

– В неприличном месте перед бабами задницей вертит! И эти дуры ему за это деньги платят.

– Что же это за неприличное место? – решил уточнить следователь.

– Да не слушайте вы её, – вмешалась Марина Витальевна, – Влад работает в стриптиз-клубе «Ромео». Там у них всё в рамках приличия.

– Хороши приличия! – не выдержала Авдотья Фёдоровна. – Срамота! Здоровый молодой бугай голый вокруг шеста прыгает!

– Баба Дуня! Это искусство! Такое же, как, например, балет, – заступилась за Влада молодая соседка.

– Сравнила кое-что с пальцем! – рассердилась Крамова. – В балете никто ничего напоказ не выставляет! Там спектакль! Мы раньше с дедом ходили! И по телевизору его часто показывали!

– «Лебединое озеро», – подсказала молодая соседка.

– Да хоть бы и «Лебединое»! Какие у тебя к нему претензии?! – напустилась на соседку Крамова.

– К кому к нему? – растерялась от её напора Марина Витальевна.

– К «Лебединому озеру»?

– Абсолютно никаких претензий! – заверила бабу Дуню молодая женщина.

– Дамы! Погодите! Не ссорьтесь! Лучше скажите, Шафардин часто к себе домой приводил женщин?

– Чего не видела, того не видела, – с сожалением проговорила Авдотья Фёдоровна.

– Никаких женщин Влад не водил, – заверила Косицына, – у него была одна постоянная. Жанна Гурьянова.

– Вы были с ней знакомы?

– Да, Влад представил нас друг другу.

– Где это он тебя представлял своей полюбовнице? – подозрительно спросила старушка.

– В клубе! – выпалила Марина Витальевна.

Крамова схватилась за голову и так сильно дёрнула себя за платок, что он слез с её головы, явив взгляду присутствующих редкие седые волосы. У старой женщины даже слов не нашлось. Она молча мерила молодую соседку осуждающим взглядом.

– Вы пока сядьте обе на диван и посидите тихо, – велел следователь.

– Хорошо, – сказала Косицына и направилась в сторону дивана.

– Я с ней сидеть рядом не буду! – сказала Авдотья Фёдоровна и зачем-то погрозила кулаком Наполеонову.

Следователь вздохнул, выдвинул стул из-за стола и указал на него Крамовой. Она села, сохраняя при этом самый независимый вид.

– Александр Романович! – громким шёпотом позвал Наполеонова Григорян.

– Чего тебе? – отозвался тот.

– Подойдите сюда. – Оперативник всё ещё ходил кругами возле неподвижного Шафардина.

– Уж не отдал ли богу душу наш подозреваемый, – встревожился следователь, подошёл к Григоряну и спросил: – Чего тебе? – При этом он посмотрел на хозяина квартиры: – Жив, слава тебе господи.

– На рукаве у него, по-моему, кровь. – Аветик сделал большие глаза.

Наполеонов пригляделся к тому месту, на которое указывал оперативник:

– Возможно, ты прав, хотя куртка сырая, и чёрт его знает.

– Экспертиза покажет.

– Жаль Незовибатько уехал.

– Пока надо её аккуратно с него снять и упаковать.

– Будет сделано!

Хозяин квартиры, который до этого не реагировал на то, что его квартиру начали осматривать сотрудники полиции, не стал возмущаться и тогда, когда Григорян аккуратно стянул с него куртку.

– Ну, вот, – сказал Аветик довольно, – были бы все подозреваемые такими покладистыми.

– Мечта копа! – подмигнул ему выросший рядом как из-под земли оперативник Ринат Ахметов.

– Ты уже? – удивился Наполеонов.

– Ну, если вы хотите, я могу выйти и где-нибудь ещё часика полтора погулять, – проговорил Ринат и сделал вид, что хочет уйти.

– Я тебе погуляю! – проворчал следователь, глядя на озорные огоньки в глазах Рината. Потом добавил: – Никак я не могу привыкнуть к твоим голубым глазам!

– И чем же они вам так не угодили?

– Если ты Ахметов, то глаза у тебя должны быть чёрными, в самом крайнем случае карими! Ну уж никак не голубыми!

Ринат засмеялся и ответил:

– Так я поволжский татарин. Я лучше пойду, поработаю, – и не дожидаясь ответа, он присоединился к другим оперативникам, перебирающим вещи Шафардина.

– Не нравится мне, что он не шевелится, – сказала Любава, оглядываясь с опаской на Влада, – сидит как кукла.

– Может, человек в шоке, – предположил Ринат.

– Но не до такой же степени!

– Если бы все преступники после совершения преступления впадали в такой шок, – начал было Аветик.

– То у нас была бы не жизнь, а малина, – усмехнулся Ринат.

– Типа того.

– Мне кажется, он не похож на убийцу, – шепнула Любава.

– Я заметил у него на рукаве кровь, – сообщил Григорян.

– Ещё неизвестно, кровь ли это.

– Я уверен, что кровь. У меня глаз алмаз.

– Вот отправим в лабораторию, и Незовибатько проверит твой алмаз!

– Ты хотел сказать – куртку.

– Точно!

– Александр Романович! Смотрите! – воскликнула Любава и протянула следователю пластиковый лист. – Свидетельство о браке.

– Да наш Влад, оказывается, не просто любимый человек убитой, – удивлённо протянул Наполеонов, пробежав глазами по документу, – а самый что ни есть законный муж! – и похвалил оперативницу: – Молодец, Любава!

– Только он теперь уже не муж, а вдовец, – заметил Ринат.

– Точно! И, значит, наследник всего движимого и недвижимого. Интересно, остались ли у Гурьяновой другие наследники.

– А что сказала эта её подруга?

– Соболева ничего не сказала. Каждое слово мне пришлось из неё клещами тащить. Она даже словом не обмолвилась о том, что Гурьянова была замужем за Шафардиным.

Наполеонов приблизился к креслу и потряс свидетельством о браке перед носом мужчины:

– Ну что, Влад Анатольевич, будем говорить или как?

Шафардин поднял на следователя глаза.

– Ожил, – шепнул участковый.

– Сейчас всё отрицать будет, – проговорил Аветик с некоторым сожалением.

Но Шафардин, так и не произнеся ни слова, снова уронил голову на грудь.

– Так, – сказал Наполеонов, – осмотр мы завершили. – Он попросил подписать протокол сначала Марину Витальевну, а затем разгневанную Авдотью Фёдоровну.

Влада подняли на ноги. Когда на его руках защёлкнулись наручники, молодая соседка воскликнула:

– Что вы делаете? Зачем?

– Гражданин Шафардин задержан.

– Как задержан? За что?

– По подозрению в убийстве Жанны Савельевны Гурьяновой.

– Этого не может быть! – воскликнула Марина Витальевна и в испуге прикрыла рот своей маленькой аккуратной ладошкой.

Наполеонов успел с удовлетворением заметить, что ногти женщины окрашены лаком светло-розового оттенка.

– Допрыгался голубчик, – ехидно ухмыльнулась Авдотья Фёдоровна.

– Интересно, чего это старуха на него так взъелась? – удивился один из оперативников.

– Завидует, – охотно пояснил Ахметов.

– Чему?

– Что стриптизёры из «Ромео» не назовут её своей Джульеттой, – хмыкнул Ринат.

– Скажешь тоже, – отмахнулся Аветик.

Влад тем временем беспрекословно позволил вывести себя из квартиры и усадить в полицейскую машину. Задержавшийся ненадолго участковый нашарил на одной из полочек в прихожей ключи, закрыл квартиру, подождал, пока её опечатают, и с ключами спустился вниз к машине следователя.

В управление подтянулись оперативники, делавшие поквартирный опрос в доме, где жила Жанна Гурьянова. Опрос соседей мало что дал.

Машину Влада Шафардина в начале ночи видели у дома Гурьяновой трое – молодая парочка из соседнего подъезда и собачник с первого этажа из подъезда убитой. Видела ещё, конечно, собака, злющий французский бульдог, но его не сочли стоящим свидетелем, хотя, может быть, и зря. Его хозяин утверждал, что бульдог остервенело лаял и всё куда-то порывался бежать задолго до того, как машина Шафардина остановилась у дома.

– Вы сами видели кого-то постороннего?

– Нет, никого я не видел, – покачал головой мужчина, – я подумал, что Гектора опять дразнит соседский кот Циклоп.

– Почему Циклоп? – удивились оперативники.

– Хозяева взяли его в приюте, и у кота не было одного глаза, вот они и прозвали его Циклопом. Циклоп и Гектор невзлюбили друг друга с первого взгляда. Правда, выигрывает всегда кот.

– Как это? – удивились полицейские.

– А так, Циклоп специально дразнит пса, а Гектор ведётся на все его подлянки и того и гляди из собственной шкуры вырвется.

– Бедняга, – посочувствовали псу оперативники. На всякий случай они спросили у собачника адрес хозяев кота, не поленились подняться на четвёртый этаж. Открывшая им женщина очень удивилась их вопросу: «Где был Циклоп в такое-то время», но уверенно ответила: «Дома».

– Облом, – сказал один из оперативников, когда они спустились вниз.

Другой ответил ему:

– Я уверен, что в этом дворе и без Циклопа хватает кошек. Возможно, это была вообще бездомная, а Гектору всё равно на кого лаять.

– Не скажи.

– Во всяком случае, человека хозяин пса заметил бы, – проговорил второй оперативник.

– Но он же не заметил, когда пришёл Шафардин, он видел только его машину.

В пользу того, что Влад не желал зла Жанне, было заявление соседей, что из квартиры пары никогда не доносились звуки скандалов.

– То есть они жили мирно?

– Вполне. Правда, домой почти всегда приезжали за полночь.

Это как раз объяснялось легко.

Минусы были существеннее – кровь, обнаруженная на рукаве Влада, принадлежала Жанне. У Гурьяновой не было родственников, зато были деньги. Она владела сетью ювелирных магазинов «Млечный путь».

Наполеонов вспомнил, что на его вопрос, кем работала Жанна, Инна небрежно отозвалась: «Она занималась магазинами». И он, как последний профан, почему-то решил, что Гурьянова работала каким-нибудь мудрёным менеджером по продажам.

Ему на ум пришла история двухгодичной давности. Старушка позвонила в полицию и потребовала срочно приехать. Её спросили:

– Что случилось, бабушка?

– Пока не случилось, но вот-вот случится! Меня изнасиловать хотят.

– Да кто же это?

– Парень! Он позвонил мне по домофону и сказал: «Откройте, мы вас мониторить будем! Охальник», – смущённо хихикнула старушка.

Дежурный посоветовал ей дверь не открывать, но на всякий случай объяснил, что значит слово «мониторинг».

– Ух ты! – подивилась старушка и пообещала: – Тогда я ему обязательно открою.

Вот и он прокололся, как та старая бабка. А Жанна-то, как правильно заметил один из полицейских, бедной не была. Правда, владела она ювелирной сетью не единолично, а на паях с компаньоном, неким Игорем Павловичем Ивановым. И это имя показалось Наполеонову очень знакомым. Ивановых, конечно, пруд пруди, но он лично не был близко знаком ни с одним из Ивановых. Однако

совсем недавно слышал фамилию Иванов в сочетании именно с именем Игорь и отчеством Павлович… Подумав немного, он хлопнул себя по лбу – ну, конечно, жених подруги Жанны, Инны, как раз и есть Игорь Павлович Иванов. Совпадение? Работа следователя приучила Наполеонова к тому, что в жизни таких совпадений раз-два и обчёлся. Так что придётся заняться личностью этого Иванова.

Первым делом Наполеонов спросил Эллу, не слыхала ли она о такой ювелирной лавке, как «Млечный путь».

– Смеётесь, что ли, Александр Романович, – как показалось следователю, обиделась секретарь.

– Извини, Элла, я не собирался тебя обижать. Но если ты не знаешь…

– Почему же это я не знаю? – всплеснула руками девушка.

– Но ты же, – недоумённо проговорил Наполеонов.

– Я возмутилась, – перебила его Русакова, – потому, что называть лавкой великолепные ювелирные магазины «Млечный путь» настоящее кощунство.

– Надо же, – изумился следователь. – Если ты у нас такая всезнающая, то объясни мне, ничего не понимающему в этих побрякушках, почему они выбрали такое странное название.

– А что в нём странного? – удивилась Элла.

– А то! Млечный Путь это что-то белое, серебристое, короче – светлое. А ювелирные украшения, они же разноцветные, яркие!

Элла посмотрела на него с таким презрением, что Наполеонову сразу вспомнилась противная ворона из советского мультфильма о Деде Морозе и лете. Но он стойко выдержал её взгляд и проговорил:

– Объясни, всезнайка!

– Ларчик открывается просто, – снисходительно отозвалась секретарь, – «Млечный путь» в основном работает с платиной, белым золотом, бриллиантами, жемчугом и прочими белыми или бесцветными камнями. Иногда с аметистами. Теперь поняли?

– Теперь понял, – вздохнул Наполеонов.

«Непонятно другое, – подумал он про себя, – на фига люди такие деньги за булыжники платят? Но что мы имеем? – спросил себя следователь и сам же ответил: – Мотив убить Жанну был не только у Влада Шафардина, но и у господина Иванова, а также у подруги Жанны Инны, которая собралась за вышеупомянутого Иванова замуж».

Наполеонов решил, что Ивановым он займётся позднее, сначала же посмотрит на клуб «Ромео» и познакомится с его хозяйкой. Он уже выяснил, что владеет клубом некая Клара Львовна Туманова, даме пятьдесят четыре года, но на фото в интернете она выглядит максимум на тридцать. «Наштукатурилась», – решил следователь.

Глава 4

Мирослава Волгина, владелица детективного агентства «Мирослава», полулежала в кресле у окна. Ей нравилось смотреть на крупные хлопья снега, которые медленно кружились в воздухе и опускались на землю. Из-за того, что они были такими крупными, хлопья напоминали ей ажурные лодочки. «В каждой из них, – думала Мирослава, – должен находиться маленький эльф, который спускается на землю, чтобы вместе с людьми отметить День всех влюблённых».

Сама Мирослава ни разу не была влюблена так, чтобы от любви кружилась голова и проявлялись все прочие признаки этого пленительного недомогания, о котором так ярко пишет в своих романах её тётя писательница Виктория Волгина. Но праздник, посвящённый любящим сердцам, детективу очень нравился. Наверное, даже самые суровые из амазонок не прочь отхлебнуть хотя бы пару глоточков романтического зелья.

Настроение у Мирославы сегодня было романтическое, или, наверное, если выразиться точнее, лирическое. И музыка сейчас звучала в её комнате под стать настроению. Для неё пел один из самых её любимых певцов Александр Малинин. Ещё в детстве она влюбилась в его голос под влиянием тёти Виктории, которая буквально боготворила певца. Они часто спорили о природе, на взгляд обеих, уникального голоса этого певца и никак не могли понять, как ему удаётся так волшебно звучать. Тётя всерьёз уверяла племянницу, что у певца соловьиная душа. При этом сама Виктория никогда не влюблялась в певцов и артистов, как в конкретных, живущих где-то рядом людей. Нет! Вот и Малинин был для неё не обыкновенным земным мужчиной, которого можно было бы возжелать, а олицетворением магического звучания, голосом, который проникает в душу и затрагивает самые сокровенные струны, скрытые не только от посторонних глаз, но и от самого индивида.

Если же говорить о восхищении человеком, то такой человек имелся – жена Александра Малинина Эмма. Виктория была уверена, что именно благодаря самоотверженности и любви этой женщины огромное количество людей может наслаждаться дивным пением Александра. Если бы женой Орфея стала не Эвридика, а Эмма Малинина, то он до сих пор был бы жив и здоров и радовал бы обожающих его поклонников.

Но, увы, Орфею в этом смысле не повезло, и на потрясающей женщине женился не он, а Александр Малинин. Мирослава полностью разделяла мнение своей тётки.

Морис, несколько раз подходивший к двери кабинета, постояв несколько минут в коридоре и так и не решившись нарушить уединение детектива, тихо вздыхал и спускался вниз в гостиную.

«Хоть бы Шура позвонил», – думал Миндаугас.

Но Наполеонов не звонил. У следователя всегда забот полон рот, а сейчас, наверное, Шуре и вздохнуть некогда, думал Морис. Зато они с Мирославой уже целую неделю сидели без дела. Первые три дня детективы жадно наслаждались выпавшими днями отдыха. А потом Мирослава впала в романтическое настроение, как она сама выражалась, а Морис назвал бы это меланхолией. «Хотя кто поймёт этих русских», – думал Миндаугас. Лично он в такой день с удовольствием отправился бы покататься на лыжах, тем более что лес недалеко и там есть несколько отличных склонов. Не Альпы, конечно. Миндаугас вспомнил

свою стажировку в Германии и горнолыжные трассы Альп, на которых он катался с немецкими друзьями. Всё это осталось в прошлом. Он мог бы вернуться туда, но не захотел. Русский лес с его пологими холмами в силу ряда причин стал ему теперь милее. Иногда они втроём ездили кататься в Загородный парк, там был подъёмник и все или почти все удобства для активного отдыха. Но лес был ближе.

Однако идти кататься одному ему не хотелось, врываться с таким предложением к Мирославе он не решался. Тем более, когда она в таком настроении…

Морису почему-то не приходило в голову, что настроение у Мирославы было как раз таки прекрасным. И она вовсе не грустила, а просто позволила себе в кои веки полностью отдаться звучанию любимых мелодий.

Зазвонил стационарный телефон. Морис намного быстрее, чем он это делал обычно, поднял трубку:

– Детективное агентство «Мирослава» слушает.

– Здравствуйте, вас беспокоит Клара Львовна Туманова. Мне нужна ваша помощь.

– Вам лично? – уточнил Морис.

– Можно сказать и так, – ответила женщина после короткой паузы.

«Значит, дело не совсем личное», – подумал Морис и спросил:

– Кто вам, Клара Львовна, рекомендовал наше агентство?

– Владимир Константинович Драпецкий, – ответила Туманова без запинки и уточнила: – Надеюсь, вы его помните.

«Ну, ещё бы, – подумал Морис, – как можно забыть Драпецкого». Сам он познакомился с Владимиром Константиновичем полтора года назад. Но Шура рассказал ему, что в девяностых годах тот был широко известен в узких кругах

как просто Вова. Относились к нему тогда по-разному, кто-то с завистью, кто-то со страхом, кто-то с уважением. Нажив приличное состояние, Драпецкий сбросил малиновый пиджак, как змея сбрасывает старую кожу, и занялся легальным бизнесом. И тут-то беда к нему явилась с той стороны, с которой Драпецкий её не ждал. Неизвестные похитили его единственного близкого человека – маленькую племянницу, оставшуюся на попечении Владимира Константиновича после гибели его старшего брата. Обращаться к правоохранительным органам Драпецкий не решился и приехал к частному детективу Мирославе Волгиной. Увидев её, он подумал: «Какой из неё детектив?! Она же совсем ещё девчонка». Но помимо своей воли выложил ей всё. Волгина, в свою очередь, неплохо осведомлённая о прошлом Драпецкого, решительно не желала иметь с просто Вовой никаких дел. Но речь шла о жизни ребёнка. И глядя на здорового зарёванного мужика с подгибающимися коленками, она процедила сквозь зубы: «Я постараюсь помочь вашей племяннице».

Именно так! Не вам, а вашей племяннице. Драпецкий был готов на всё, лишь бы вернуть девочку живой и здоровой.

Мирославе удалось вычислить место, где держали девочку без еды и воды, и вызволить её из страшного подвала, который сама она окрестила подземельем.

Заказчики и исполнители, сообразив, что их имена стали известны Вове, сами бросились в объятия правоохранительных органов. Лишь бы не встречаться с Драпецким.

А Владимир Константинович, несмотря на уплаченный Волгиной согласно заключённому договору гонорар, продолжал считать себя вечным должником Мирославы. Ныне Драпецкий законопослушный, уважаемый и набожный гражданин. А его племянница, девочка, спасённая Мирославой, к настоящему времени превратилась в миловидную девушку.

«Так что кто же не знает Драпецкого», – вздохнул про себя Миндаугас и предложил: – Изложите суть проблемы.

– Моего сотрудника, – сказала Туманова, – обвиняют в убийстве близкого ему человека.

– Вы уверены в его невиновности?

– Совершенно верно, – подтвердила женщина.

Морис подумал о том, что не так уж часто работодатель готов вступиться за своего сотрудника и тем более заплатить за его спасение деньги. Интересно, что у них за предприятие – фирма, строительная компания, банк? Чтобы больше не гадать, он спросил:

– Каким предприятием вы руководите?

– Это не совсем предприятие, – почему-то закашлялась женщина.

Морис терпеливо ждал, и она продолжила:

– Это клуб эротического танца «Ромео».

Теперь настала очередь закашляться Миндаугасу, откашлявшись, он уточнил:

– Ваш сотрудник стриптизёр?

– Совершенно верно.

Наступившая пауза не понравилась Кларе Львовне, и она спросила сердито:

– Или, по-вашему, стриптизёр не человек?

– Я не говорил ничего подобного, – возразил Миндаугас.

– Да, но вы точно язык проглотили.

– Я просто думаю, когда вам будет удобнее к нам подъехать. – Морис снова замолчал.

«Эстонец, что ли, – подумала Туманова, – или он там вообще уснул». Набрав в грудь побольше воздуха, она проговорила решительно:

– Я могу выехать прямо сейчас.

– Наше агентство располагается за пределами города.

– Знаю, Драпецкий предупредил меня, но адреса вашего не дал, только номер стационарного телефона. Сказал, что приехать к вам можно только по предварительной договорённости.

Морис к тому времени уже решил: была не была, но он вторгнется в музыкальное царство, в котором сейчас пребывает Мирослава. Работа им обоим пойдёт на пользу. Поэтому он проговорил в трубку:

– Вы сможете подъехать сегодня к шести вечера?

– Да, – тотчас ответила Туманова.

– Идёт сильный снег.

– У меня внедорожник, и, как я понимаю, мне главное – выехать за пределы города, а там уж нет опасности увязнуть в пробках.

«Только в снегу», – подумал Морис, но вслух сказал:

– Договорились, – продиктовал адрес, – мы будем вас ждать.

Положив трубку, он оделся и вышел на улицу. Несмотря на то что снег идти не перестал, Миндаугас решил расчистить дорожки, иначе скоро можно будет увязнуть на любой из них. Снежные хлопья стали падать реже, и это обнадёживало.

Чёрный пушистый кот Дон увязался следом за ним. Сначала он стоял на крыльце под навесом, с интересом наблюдая, как Морис орудует лопатой, а потом сбежал вниз по запорошённым снегом ступеням и принялся гоняться за случайно оставшимся на поверхности высохшим листом старой яблони.

«Вероятно, он воображает, что ловит мышь», – наблюдая за котом боковым зрением, думал с улыбкой Морис.

Когда Дон и Миндаугас вернулись в дом, голос Александра Малинина всё ещё царил в нём, нежно и чисто проливаясь со второго этажа.

Морис накрыл стол для обеда, накормил кота и решительно направился к лестнице. И тут музыка прекратилась, раздался звук шагов, и Мирослава крикнула сверху лестницы:

– Ау! Люди!

– Мы здесь, – отозвался Морис.

Кот, подтверждая его слова, громко мяукнул.

– Мы сегодня есть будем? – спросила она, как показалось Морису, сердито.

– Вы проголодались? – сделал он вид, что удивился, задрал голову и, глядя на неё снизу вверх, проговорил медленно: – Я думал, что вы сыты от духовной пищи, так что обед…

– Морис! – завопила она, не дав ему договорить, и буквально скатилась с лестницы. – Я есть хочу! И если ты меня не накормишь, то я сейчас же обнюхаю тебя с ног до головы и начну откусывать самые лакомые кусочки.

– Не зря Шура говорит, что вы тигра, – усмехнулся Морис, – ладно уж, идите, мойте руки и будем обедать.

– А у меня уже всё чистое, – ответила она и, подняв ладони ко рту, сделала вид, что облизывает их языком, как кот свои лапы.

Миндаугас рассмеялся и пошёл на кухню.

– Шура не звонил? – спросила она ему в спину, плетясь следом за ним.

– Нет.

– Наверное, и ужинать мы сегодня будем одни, – вздохнула она.

– Наверное, – согласился он, – кстати, нам сегодня придётся поужинать либо пораньше, либо попозже.

Правила не есть после шести в этом доме в силу специфики работы не придерживались. К тому же оба детектива тратили немало энергии во время тренировок карате.

– Почему? – спросила она.

– Скажу после обеда.

Мирослава посмотрела на него с интересом, но спорить не стала. Только когда приступили к чаю, она сказала:

– А теперь признавайся, почему ты решил изменить время ужина.

– Дело в том, что я нашёл для нас работу!

– Ты хочешь сказать, что работа нас нашла? – усмехнулась Мирослава.

– Можно сказать и так, – согласился он.

– Выкладывай дальше, не тяни.

– Владимир Константинович Драпецкий посоветовал обратиться к нам Кларе Львовне Тумановой. Она и обратилась.

– И что у неё? – спросила она, не проявляя особого интереса.

– Насколько я понял, по подозрению в убийстве задержан один из её сотрудников.

– Надеюсь, нам придётся разбираться не с делами совхоза «Светлый путь Ильича»?

– Нет, предприятие называется «Ромео».

– И чего же на нём выпускают?

– На нём ничего не выпускают. Вернее, они выпускают на сцену стриптизёров.

– Обалдеть! – восхитилась Мирослава.

Морис пожал плечами, сохраняя при этом беспристрастное выражение лица.

Волгина подумала и спросила:

– Дама не сказала, кого убил её стриптизёр?

– Не убил, – поправил Морис, – он только подозревается в убийстве, как выразилась наша будущая клиентка, близкого ему человека.

– Предположительно, будущая клиентка, – уточнила Мирослава.

– Пусть будет предположительно, – кивнул Морис и добавил жалобно: – Работать хочется.

– Это ещё зачем? – делано удивилась она.

– Деньги зарабатывать! – отрезал он. – Иначе мне не на что будет покупать корм для кота, тигра и собаки.

– Какой ещё собаки? – искренне удивилась Мирослава.

– Так Шура сам не раз признавался в том, что он легавая!

Волгина расхохоталась:

– Ладно, проехали! Только ты Шуре об этом не напоминай.

– Не буду, – послушно пообещал Морис.

– Хорошо, вернёмся к нашему стриптизёру. Если мадам Туманова сказала, что его подозревают в убийстве близкого человека, значит, он не клиентку клуба пришил.

– Что за выражения! – поморщился Миндаугас.

– Много ты понимаешь в выражениях! – хмыкнула Мирослава. – Ещё классик сказал: «Кто шляпку спёр, тот и тётку пришил!»

– Знаем, Бернарда Шоу читали, но тем не менее! – он бросил на неё выразительный взгляд, который она благополучно проигнорировала.

– На сколько ты ей назначил? – спросила Мирослава.

– На шесть пополудни.

– Отлично! Время ещё есть. Давай быстренько уберём со стола и посмотрим в интернете, что пишут о «Ромео».

Сказано, сделано. Оказалось, что стриптиз-клуб «Ромео» весьма приличное заведение. Его хозяйка мадам Клара Львовна Туманова в порочащих её репутацию скандалах не замешана. Вдова. Есть сын, учится в Плешке.

– Странно, что не в Англии, – проговорила Мирослава.

– Может, он патриот, – обронил Морис с невинным выражением лица.

– Всё может быть, – согласилась Мирослава, – но что он говорит своим друзьям о месте работы своей мамы?

– Наверное, говорит, что мама занимается бизнесом.

Мирослава хмыкнула.

– Вы правы, – понял он её без слов, – в век интернета трудно что-то скрыть.

– Смотри, у мадам Тумановой имеется молодой бойфренд.

– Не такой уж он и молодой, – возразил Морис, – ему сорок один год.

– Это ты на свой возраст меряешь, – улыбнулась Волгина, – а для Клары Львовны он юный. Ведь ей самой пятьдесят четыре года.

– Ну, если только так.

– Так. Ларин Святослав Юрьевич. Владелец рекламной фирмы «Честное слово».

– Оригинально, – хмыкнула Мирослава, – тётя рассказывала, что когда она была маленькой, у них была присказка – честное слово, врать всегда готово!

– Когда ваша тётя была маленькой, никакой рекламы и в помине не было! – наставительно проговорил Морис.

– Не заливай! Реклама была уже в глубокой древности. На заборе тоже в некотором смысле. Например, при раскопках Помпеи археологи среди всего прочего обнаружили надпись: «Прохожий, пройди отсюда до двенадцатой башни. Там Сирипус держит винный погребок. Загляни туда. До встречи».

Морис улыбнулся.

А Мирослава продолжила просвещать своего помощника:

– Но вообще-то слово «реклама» переводится с латинского языка, как «громко кричать». Не зря же Сенека в одном из писем к Луцилию жаловался на глашатаев, которые ходили по улицам и громко выкрикивали зарифмованную рекламу.

– Всё! Всё! Сдаюсь, – нахмурился он. – Я имел в виду СССР.

– Тогда тоже была реклама, только скрытая.

– Возможно, вы и правы, – не стал спорить он.

– Посмотри, Ларионов женат?

– Нет. Уже десять лет в разводе.

– А дети есть?

– Нет.

– Глянь, что у него за реклама.

– Ага, вот:

Просит русская душа

Выпить кружечку без спешки.

Так на кой нам ляд орешки?

К пиву вобла хороша!

Мирослава хмыкнула. Морис продолжил:

Жить хотите вы легко,

Здоровье сохраняя?

Пейте козье молоко

С подворья Ермолая.

– Здорово! Надо бы познакомиться с этим Ермолаем.

Морис дальше стал читать:

На чужих я громко лаю,

Если надо, укушу!

Я свою работу знаю —

Дом хозяйский сторожу.

– И чего это он рекламирует? – не поняла Волгина.

– Представьте себе, беспородных собак из приюта!

– И что, эта реклама работает?

– Надо думать, да, если приют заказывает эту рекламу уже в одиннадцатый раз подряд.

– Ого!

– И вот ещё:

Хозяйственное мыло

Отмоет ваше рыло!

И прочие места

Отчистит дочиста!

Мирослава захохотала в голос.

– Продолжить?

– Пожалуй, нет.

– Какая ещё информация вас интересует?

– Пока ограничимся имеющейся и дождёмся прихода будущей клиентки.

– Предположительно, будущей клиентки, – с иронией напомнил Морис.

– Ну и шельма же ты, однако, – она ущипнула его за бок.

– Ой! – вскрикнул он. – Больно ведь!

– Неужели? – усмехнулась она.

Он посмотрел на неё с укором, но, вовремя вспомнив, что Мирославу никакими взглядами не пробьёшь, предложил:

– Я могу посмотреть, кого именно из стриптизёров «Ромео» задержали, и разузнать, что известно об этом парне.

– Не надо пока, – покачала она головой, – я не хочу смазывать новизну восприятия. Поэтому сначала выслушаю Туманову.

– Хозяин барин, – с притворной покорностью вздохнул Миндаугас.

Глава 5

Уже начало смеркаться, когда тёмный «Ниссан» остановился возле ворот, которые тотчас разъехались в стороны, впуская автомобиль на территорию усадьбы Мирославы. Морис, накинув куртку, вышел встречать посетительницу. Из салона выбралась моложавая женщина в светлой короткой шубке, без головного убора. На ногах у неё были короткие белые сапожки почти без каблуков.

– Мне назначено, – сказала она, внимательно оглядывая Миндаугаса с ног до головы профессиональным взглядом. Судя по выражению её лица, она осталась довольна увиденным.

– Клара Львовна? – спросил он бесстрастно.

– Она самая.

– Я Морис Миндаугас. Именно со мной вы говорили по телефону. Прошу в дом, – плавным жестом он указал в сторону крыльца.

Туманова уверенно пошла впереди него по очищенной от снега дорожке. В прихожей Клара Львовна привычным жестом сбросила шубку на руки мужчины. Потом она, не дожидаясь помощи от детектива, присела на низкий диванчик и сняла сапоги. Морис не успел ей сказать, что разуваться не обязательно. Кабинет, в котором Мирослава принимала клиентов, находился на первом этаже, к нему вёл коридор, не связанный с другими комнатами. Посмотрев на ноги дамы и прикинув её размер, Миндаугас достал из шкафа гостевые тапочки тридцать восьмого размера. Они пришлись женщине впору.

– Пойдёмте, – сказала она, тряхнув довольно короткими завитками цвета спелого каштана.

Он снова сделал жест рукой, указывая ей направление. Мирослава уже ждала клиентку в своём кабинете. Приподнялась навстречу и предложила:

– Садитесь, где вам удобнее.

Клара Львовна, как и почти все другие посетители, за редким исключением, выбрала кресло напротив детектива.

– Я детектив Мирослава Волгина. И я вас внимательно слушаю.

– Я Клара Львовна, – женщина запнулась, посмотрела на Мирославу и спросила: – Можно я с отчеством?

– Конечно, – дружелюбно улыбнулась детектив.

– Туманова, – продолжила посетительница. – Я владелица мужского стриптиз-клуба «Ромео».

– Мужского?

– Да. В моём клубе танцуют только мальчики, – пояснила Туманова. – И танцуют они для женщин. Но никакой распущенности.

Мирослава невольно улыбнулась. Но хозяйка клуба или не заметила её улыбку, или решила, что не время заострять на этом внимание.

– К нам приходят серьёзные люди, – сказала она.

– Мужчинам к вам вход воспрещён?

– Не совсем, – уклончиво отозвалась Туманова, но потом всё-таки пояснила: – Иногда к нам приходят женщины со своими мужчинами. Хотя мы этого не одобряем. Это то же самое, что ехать в Тулу со своим самоваром.

Мирослава была с ней не согласна, но не стала высказывать своего мнения. Для неё было важно увидеть внутреннюю жизнь клуба глазами его хозяйки.

– А что вы делаете с одинокими мужчинами? Выставляете их за дверь? – спросила детектив.

– В общем-то, нет. Мы на входе разъясняем им правила нашего заведения. И если они сидят тихо, мы их не трогаем.

– И заказывают дорогое спиртное? – вопросительно проговорила Мирослава.

– Естественно, – кивнула хозяйка клуба, – дешёвого у нас нет. Однако напиваться у нас запрещено.

– Стриптизёров вы набираете с улицы?

– Не совсем. Обычно к нам, как и к вам, приходят по рекомендации друзей, посетительниц, родственников.

– Даже так? – удивилась Мирослава.

Туманова кивнула:

– Вы поймите, у нас элитное заведение. Практически у всех мальчиков артистическое, танцевальное и даже балетное прошлое. Охламонов мы не берём.

Мирослава впервые за всё время общения посмотрела на хозяйку стриптиз-клуба уважительно.

– И всё у нас шло прекрасно, посетители были нами довольны, клуб процветал. И вдруг вчера, как снег на голову, является ко мне следователь и сообщает, что Владик задержан по подозрению в убийстве своей покровительницы, некой Жанны Савельевны Гурьяновой.

– А она никакая не некая! – возмущённо проговорила Туманова. – Жанночка не только желанная гостья нашего клуба, но и моя близкая подруга.

– Вот как? И давно вы знакомы?

– Лет пять.

– Познакомились вы в вашем клубе?

– Нет, познакомились мы в «Млечном пути».

– Простите, где? – озадаченно переспросила Мирослава.

– В одном из ювелирных магазинов сети «Млечный путь».

Мирослава была вынуждена признаться себе, что в ювелирных магазинах она разбирается, как свинья в апельсинах. Поэтому решила уточнить:

– Жанна Гурьянова работала в этом магазине продавцом-консультантом?

– Нет, – снисходительно улыбнулась Клара Львовна, – Жанночка владелица этой сети.

– Вот как?!

– Да. Точнее, ей принадлежит половина акций сети. Вторая половина у Игоря Иванова – жениха Жанночкиной подруги Инны.

– Гм.

– Так вот, я покупала в «Млечном пути» бриллиантовое колье. Вещь, надо сказать, не из дешёвых.

– Надо думать, что это так, – обронила Мирослава.

– Я рада, что вы меня понимаете. Жанна тоже сразу сориентировалась, что я серьёзная покупательница, и, вероятно, чтобы завоевать мою симпатию, вызвалась помочь мне в выборе. Её совет пришёлся мне очень кстати. Вот так мы и познакомились, – закончила с тихим вздохом Туманова.

– И вы пригласили Жанну в свой клуб?

– Совершенно верно, – глаза Клары Львовны дерзко блеснули. – Сначала она, как и вы, отнеслась к моему приглашению, скажем так… – Туманова сделала небольшую паузу, подбирая слова, – с некоторым недоверием. Но мне всё-таки удалось убедить её заглянуть к нам вечерком на огонёк.

– И она пришла?

– Да. Не одна. – Снова пауза. Мирослава не стала нарушать её. И Клара Львовна проговорила: – Вместе с Инной.

– Инна это?..

– Инна Соболева, подруга Жанны.

– Близкая?

– Они дружат с институтской скамьи.

– Инна тоже занимается драгоценными камнями?

– Нет, она детский психолог. Но сейчас работает с трудными подростками.

– Успешно?

– Жанна говорила, что да. Только зарплата у неё что кошкины слёзы.

– Но она могла позволить себе посещать дорогие клубы типа вашего?

– Могла, – кивнула Туманова.

– За счёт Жанны?

– Нет. У Инны дед известный профессор, и он внучке ни в чём не отказывает. К тому же я думаю, что со временем Инна нашла бы себе более высокооплачиваемую работу. Правда, теперь ей это не понадобится.

– Почему?

– Потому, что к хорошо обеспеченному дедушке добавится богатый муж. Инна выходит замуж за партнёра Жанны по бизнесу Игоря Иванова. Свадьба уже на носу. – Туманова запнулась. – Хотя теперь её, естественно, перенесут на более поздние сроки. Сами понимаете.

– Вполне.

– Но тут ещё такая незадача…

– Какая?

– Труп Жанны обнаружила Инна.

Мирославе надоело, что Клара Львовна постоянно прерывает свой рассказ, и она поторопила её:

– Рассказывайте по порядку.

– Да, какой уж тут порядок! – взмахнула руками Туманова. – Создатель так напортачил при сотворении мира…

– Давайте оставим создателя наедине с его проблемами и вернёмся к нашему конкретному делу.

– Да, простите, – спохватилась Туманова. – Как я уже говорила, Инна выходит замуж, и они с Жанной договорились вместе поехать в салон за её свадебным платьем. И вот она приходит к назначенному сроку и замечает, что дверь в квартиру подруги не заперта. Инна знает, что Жанна никогда не была безалаберной. Это её, естественно, насторожило.

– Но, насколько я понимаю, не остановило? – спросила Мирослава.

– Нет, – тряхнула своими завитками Клара Львовна. – Инна девочка решительная, и она решила всё выяснить сама. Зашла в квартиру. И о, ужас! – Туманова вскинула руки. – Обнаружила свою подругу в луже крови. Благодаря своей выдержке она не упала в обморок, а вызвала полицию. Они, конечно, приехали. Вынюхивали, вынюхивали и поехали задерживать Влада. А вчера следователь приехал в клуб.

– И он вам выложил все подробности?

– Нет, ну что вы! Он мне только сообщил, что убита Жанна, её труп обнаружила Инна и по подозрению в убийстве задержан Влад. Всё остальное время, а пробыл он у нас три часа, следователь потратил на расспросы. Пытал меня, потом моих сотрудников, причём всех, начиная с танцоров и заканчивая обслугой.

– Танцоры в это время были в клубе?

– А как же! – искренне удивилась Туманова. – У нас же днём репетиции!

– Клара Львовна, а откуда вам стали известны подробности, о которых вы мне рассказали?

– Сразу после отбытия следователя я позвонила Инне и всё у неё выспросила. Она, конечно, не в себе от переживаний, но не отказала мне в моей просьбе и

всё подробно описала.

– Клара Львовна, – решила прямо спросить Мирослава, – что именно вы хотите от нашего агентства?

– Как что?! – изумилась Туманова. – Чтобы вы нашли убийцу Жанночки.

– Этим занимается полиция.

– Как же, занимается она! Схватили невинного человека, упекли его за решётку и почивают на лаврах!

– По-моему, вы несправедливы по отношению к нашим правоохранительным органам.

– Я бы желала быть неправой, но ведь факты налицо!

– Какие факты?

– Влад задержан. Убийцу не ищут.

Мирослава решила не вступать в пререкания. Вместо этого она спросила:

– Почему вы так уверены, что Влад, кстати, как его фамилия?

– Шафардин.

– Не убивал свою богатую покровительницу?

– Потому, что он любил Жанну! Понимаете, любил! К тому же она была не просто его покровительницей, а женой.

– Что? – не поверила своим ушам Мирослава.

Туманова молча теребила ремешок своей сумки.

– То есть вы знали, что они женаты?

Женщина поджала губы, а потом нехотя призналась:

– Знала. Жанна и Влад поженились ещё прошлой весной. Они познакомились в клубе и влюбились друг в друга. Факт регистрации пока не афишировали.

– Почему?

Туманова пожала плечами:

– Считали, что пока не время выставлять их тайну на всеобщее одобрение. Понимаете ли, злые языки… – Она с некоторой опаской покосилась в сторону Мирославы.

– Понимаю. Но это только осложняет дело.

– Чем же?

– Тем, что Жанна была женщиной, мягко говоря, обеспеченной, а Влад Шафардин нет.

– Он бы не стал убивать её из-за денег.

– Чем занимался Шафардин до того, как оказался в вашем клубе?

– После завершения учёбы он танцевал в кабаре, но там у него что-то не сложилось. Некоторое время он проработал учителем танцев.

Одна из бровей Мирославы взлетела вверх.

– Напрасно вы удивляетесь, – сказала Туманова, – многие обеспеченные люди отдают своих детей в школу танцев.

– Так он учил танцевать детей?

Туманова кивнула.

– Там у него тоже что-то не сложилось?

– Скорее наоборот, дети его любили, родители в нём души не чаяли. Но Влад всегда хотел танцевать сам, и как только ему подвернулся удобный случай, он немедленно им воспользовался.

– Кто дал ему рекомендацию?

– Наш кадровик Сергей Сергеевич Тимохин.

– Вот как?

– Да, его племянница училась у Влада. Дядя встречал её после занятий. Глаз у Сергея Сергеевича намётанный, он оценил фигуру и пластику Влада и спросил его, не хочет ли он танцевать. Влад сразу ухватился за протянутую ему соломинку и на следующий день уже явился на просмотр.

– У вас было вакантное место? Или Шафардин настолько покорил вас…

– Место у нас действительно было. Один из наших танцоров женился на дочери бизнесмена, и тот не захотел, чтобы зять танцевал в стриптиз-клубе.

«Надо думать», – подумала Мирослава.

– Так что парню пришлось уволиться. Появилось вакантное место, но острой необходимости тотчас брать нового танцора у нас не было. Так что Влад, в самом деле, покорил меня, и не только.

– Скажите-ка мне, Клара Львовна, вот ещё что… – Мирослава внимательно посмотрела на хозяйку стриптиз-клуба.

– Что? – спросила та настороженно.

– Как развивались отношения Гурьяновой и Шафардина.

– В смысле? – удивилась Туманова.

– Плавно или стремительно? Пришлось ли Шафардину прилагать значительные усилия, чтобы завоевать Жанну? Или, наоборот, она первая начала охоту на красивого парня?

– Ни то, ни другое, ни третье. Они влюбились друг в друга с первого взгляда.

– Откуда вы знаете?

– Знаю! – отрезала Туманова.

– И всё-таки, – настаивала детектив.

– Мне ребята рассказали, что они, как только встретились первый раз глазами друг с другом, так и всё!

– Что всё?

– Оторваться не могли. Влад и не знал тогда, что Жанна настолько богата.

– Однако он мог предполагать это?

– Каким образом?

– Элементарно, пораскинув мозгами. Нищие в такой клуб не ходят.

– Это верно. Но не совсем.

– Почему же?

– Потому, что в наш клуб приходят женщины, которые ненадолго поймали за хвост жар-птицу.

– Например?

– Получили крупную премию, продали какую-то недвижимость, в конце концов, просто накопили нужную сумму за определённое время.

– Вы ещё скажите, что взяли кредит, чтобы специально сходить на представление ваших мальчиков.

К великому удивлению Мирославы, Клара Львовна согласно кивнула:

– И такое тоже может быть.

– Но ведь всех этих женщин нетрудно отличить от по-настоящему богатых.

– Не всегда.

– Хорошо, допустим, я могу позволить себе время от времени посещать ваш клуб.

– Милости просим! – поспешно пригласила Туманова.

– Но ведь я не сногсшибательная богачка!

– Да, – чересчур поспешно, с точки зрения Мирославы, согласилась хозяйка стриптиз-клуба.

Волгина решила, что обижаться глупо, и продолжила:

– Разве вы бы не отличили меня от женщин, купающихся в деньгах?

– Вас вполне можно принять за дочь обеспеченных родителей, – проговорила Туманова.

«Ну спасибо, утешили», – подумала Мирослава и поняла, что Клару Львовну и бульдозер не смог бы столкнуть с её точки зрения.

– Допустим, – сказала она, – что вы правы, и Шафардин не подумал о том, что перед ним богатая женщина, но он не мог не видеть, что Жанна намного старше

его.

– На каких-то восемь лет, – пренебрежительно протянула Туманова, и Мирослава, вспомнив, что у Клары Львовны тоже молодой возлюбленный, решила не развивать эту тему.

Вместо этого она сказала:

– Вы должны понимать, что официальный брак между Шафардиным и Гурьяновой только усугубляет подозрения следствия.

– Да почему же это, скажите на милость?!

– У Жанны есть прямые наследники, кроме законного мужа?! – ошарашила она хозяйку стриптиз-клуба.

– Кажется, нет, – растерялась та.

– Ну, вот видите. Если человека убивают, то следствие ищет, кому это выгодно.

– Хорошо, – решительно тряхнула своими завитками Клара Львовна, – вот вы и ищите, кому это выгодно!

– А если я докажу, что убийца именно Шафардин?

– Если докажете, то я в любом случае заплачу вам деньги.

– И потеряете их.

– Это моё дело! – с нажимом на слово «моё» ответила Туманова.

Волгина по лицу Тумановой видела, что владелица клуба уверена в невиновности своего танцора на сто процентов. Однако на первый взгляд было очевидным, что никто, кроме молодого мужа, не был заинтересован в смерти владелицы сети ювелирных магазинов. Родственников у неё нет. «Или всё-таки есть?» – промелькнуло в её мозгу.

Мирослава вспомнила Мориса, изнывающего без работы, и сказала:

– Хорошо, будь по-вашему.

Туманова заметно приободрилась. И Волгина, чтобы сбить градус растущей в душе клиентки уверенности, проговорила:

– Вам придётся ответить ещё на несколько моих вопросов.

– Спрашивайте! Я готова!

«Прямо как юный пионер», – подумала Мирослава и спросила:

– Почему в ночь убийства Шафардина не оказалось рядом с женой?

– Я не знаю! – сразу как-то обмякла Клара Львовна.

– Инна этого тоже не знает?

– Нет, – потрясла головой Туманова, – она была уверена, что застанет их вместе.

– А следователь вам случайно ничего не говорил по этому поводу?

– Увы, – развела руками Клара Львовна. «Да уж, следователь так тебе и расскажет, держи карман шире!» – было написано на её лице.

– Расскажите мне о друзьях Шафардина, – попросила детектив.

Туманова задумалась, потом проговорила:

– Я не думаю, чтобы у Влада были близкие друзья. Если только знакомые. Он и в клубе-то держался особняком.

– Почему?

– Характер у него не слишком общительный. Хотя он ладил с другими танцорами, был дружелюбен, если просили помочь, то не отказывал.

– Клара Львовна! Забудьте, пожалуйста, на время о престиже своего клуба и ответьте честно, были ли у Шафардина интимные отношения с другими клиентками. Я имею в виду, до появления на его горизонте Жанны.

– Не имел он ни с кем никаких отношений в клубе! Я вам сто раз говорила! И ещё могу повторить столько же!

«Прямо кристалл чистой воды», – подумала Волгина с некоторой досадой и спросила:

– А она?

– Что она? – не сразу поняла Туманова.

– Жанна Гурьянова до встречи с Шафардиным оказывала внимание другому стриптизёру?

– Да, – вынуждена была признаться Туманова.

– Стоп, – проговорила Мирослава, – вы сказали, что у Жанны и Влада любовь случилась с первого взгляда! Или я что-то не так услышала?

– Всё вы правильно услышали. Но Жанна приходила в клуб в течение пяти лет. А Влад у нас только три года. Когда он начал танцевать в «Ромео», Жанна отсутствовала. Она уезжала в творческую командировку во Францию и Италию. Её не было дома больше двух месяцев. А когда она вернулась…

– То сразу бросилась в ваш клуб.

– Примерно так всё и было, – подтвердила Туманова.

– Его имя, фамилия?

– Чьи?

– Её прежнего возлюбленного.

– Эдгар Маркович Максимович.

– У вас есть его адрес?

– Естественно. Но вы можете пообщаться с ним и в клубе.

– Я подумаю над этим.

Туманова пожала плечами, в смысле, поступайте, как знаете.

– У Жанны были подруги, кроме Инны?

– Я знаю ещё Луизу.

– Фамилия?

– Луиза Константиновна Ступка.

– Адрес.

– Не знаю.

– Телефон?

– Телефон есть, конечно, – поспешно ответила Туманова.

– Напишите, – Мирослава пододвинула к руке Клары Львовны лист бумаги и ручку, и та стала послушно выводить цифры, хотя было видно, что она предпочла бы продиктовать их.

«До чего нас гаджеты избаловали», – усмехнулась про себя детектив и спросила:

– Инна и Луиза знакомы между собой?

– Да, конечно.

– Координаты Инны у вас, надеюсь, есть?

– Есть.

– Тогда допишите их на этом же листке.

– Хорошо, – кивнула Клара Львовна.

– Я бы посоветовала вам нанять для Влада адвоката.

– Уже наняла, – вздохнула Туманова.

– Если не секрет, кого?

– Белозерского Яна Эдвардовича.

Мирослава вопросительно посмотрела на женщину.

– Да, он тоже посоветовал мне обратиться к вам, – подтвердила её догадку женщина, – но сначала я разговаривала с Драпецким, поэтому и сослалась на него.

– А кому изначально пришла в голову идея обратиться за помощью к детективу? Вам или господину Ларину?

Клара Львовна покраснела, как девочка, и призналась:

– Слава, Святослав Юрьевич, – быстро поправилась она, – подсказал мне, что нужно найти хорошего детектива, тогда дело сдвинется с мёртвой точки.

Мирослава сделала вид, что не заметила замешательства женщины, и спросила:

– Кто ведёт дело Влада Шафардина?

– Ко мне приезжал следователь Александр Романович Наполеонов. Значит, он и ведёт, – тяжело вздохнула Туманова.

«Знакомые всё лица», – подумала Мирослава и догадалась, что Кларе Львовне следователь Наполеонов, как говорят в народе, не глянулся.

– Наполеонов опытный следователь, – сочла она нужным успокоить Туманову. И в ответ была награждена недоверчивым взглядом.

– Вы его знаете? – спросила Туманова.

Мирослава кивнула и всем своим видом дала понять, что не собирается дальше развивать эту тему.

Клара Львовна хорошо разбиралась в людях и поняла, что нужно смириться и не досаждать детективу. Она и сама поняла, что Наполеонова деньгами не соблазнить. Значит, остаётся надеяться на способности детектива и законные методы следствия. Заключать договор и оформлять все необходимые документы Волгина отправила клиентку к Миндаугасу. Всеми бумажными делами занимался именно он.

Клара Львовна, несмотря на своё расстроенное состояние, не могла удержаться от вопроса и, обращаясь к нему, проговорила:

– Морис…

– Рональдович, – подсказал он.

– Морис Рональдович, вы танцуете?

– В одежде да, и неплохо, – невозмутимо ответил он.

Туманова поняла, что не стоит нарываться, и улыбнулась в ответ:

– Просто у вас великолепная фигура.

– Спасибо.

Он проводил её до машины, и она уехала, увозя с собой смешанные чувства – неутихающего беспокойства, лёгкой досады и надежды на то, что Драпецкий не зря хвалил Волгину, и она сумеет найти настоящего убийцу. «Жанночку, конечно, не оживить, – думала она, – но хотя бы спасти Влада, освободить его и не дать ему сломаться».

Глава 6

– Ну, что? – спросил Морис Мирославу, вернувшись в дом.

– Что тебе сказать? Ты ведь сам всё слышал.

Он кивнул. Устройство, находящееся в приёмной, позволяло Миндаугасу слышать всё, что происходит в кабинете.

– Так что делай выводы сам, – продолжила Мирослава.

– Шура, по всей видимости, не сомневается в виновности Шафардина, – осторожно заметил Морис.

– После того, как было обнаружено свидетельство о браке, скорее всего, нет, – согласилась Мирослава.

– Но я не вижу причины, по которой он мог бы убить её.

– Причина на поверхности – бриллианты. Там огромное состояние.

– Но ведь он не может быть таким идиотом, чтобы не понимать, что в первую очередь заподозрят именно его.

– Я тоже так подумала, поэтому и взялась за это дело. Но мы с тобой не знакомы с Владом, даже ни разу не видели его и поэтому можем заблуждаться по поводу его умственных способностей.

– Вы хотите сказать, – усмехнулся Морис, – что Шафардин всё-таки может оказаться круглым идиотом?

– В жизни всякое бывает. Но в первую очередь я хотела бы узнать, оставила ли Жанна Гурьянова завещание.

– Может быть, Шуре уже удалось заглянуть в него хотя бы одним глазком, – предположил Морис.

– Сомневаюсь. Хотя, зная своего друга, уверена, что он испробует все лазейки.

– Как вы думаете, её компаньон господин Иванов может быть заинтересован в смерти Гурьяновой?

– Не думаю. Даже если Влада упекут за решётку, ему ничего не обломится.

– То есть с Ивановым вы разговаривать не собираетесь?

– Зачем? – пожала плечами Мирослава. – Я уверена, что его вовсю трясёт следствие. Поэтому лично я оставлю Иванова на потом.

– Куда же пойдут все Жаннины сокровища, если Влад будет признан виновным, а партнёру наложить на них руку не удастся?

– Если у неё нет ни близких, ни дальних родственников и она не оставила завещания, думаю, всё пойдёт в государственную казну.

– Подозревать государство в убийстве Жанны было бы нелепо.

– Куда уж нелепей, – согласилась Мирослава и проговорила: – Знаешь, что я думаю?

– Что? – быстро спросил Морис.

– Ведь убивают не только из-за денег.

– Без сомненья, – согласился он.

– В том-то и дело! Но когда убивают богатого человека, все сразу думают, что причиной убийства были деньги, наследство. А что, если это месть?

– За что?

– Мало ли, – пожала плечами Мирослава, – нам пока это неизвестно. Или банальная ревность.

– Вы предполагаете, что Жанну могла убить неизвестная, влюблённая во Влада Шафардина?

– Или мужчина, которого бросила Жанна.

– Такой имеется?

– Думаю, что не один. Но доподлинно известно, что до Влада Шафардина она встречалась с Эдгаром Марковичем Максимовичем.

– И чем он занимается?

– Ты запамятовал?

– Ну…

– Танцует в «Ромео»!

– Получается, что Жанне всегда нравились стриптизёры?

Мирослава закатила глаза:

– Откуда же мне это знать, дорогой?

Морис смутился.

– Но нам известно, что она сменила одного стриптизёра на другого. Хотя, может быть, с Максимовичем у неё не было всё так серьёзно, как с Шафардиным.

– Это нам и предстоит выяснить.

– Каким образом?

– Пообщаемся с подругами. Уж им-то должно быть всё известно о личной жизни Гурьяновой.

– Будем надеяться, – проговорил Морис и предложил: – Давайте на сегодня выбросим дела из головы и пойдём ужинать.

– Пойдём, солнышко, – весело согласилась она.

* * *

Влад Шафардин пришёл в себя, или, точнее сказать, начал осознавать то, что происходит с ним в данный момент, только после того, как к нему пришёл адвокат. До этого ему казалось, что он всё ещё стоит над трупом Жанны и видит её кровь. Он смотрел и не верил, что это происходит наяву. А потом его охватили ужас и отчаяние такой силы, что он, не помня себя, бросился бежать прочь.

Остальное он помнил смутно. Кажется, долгое время сидел в своей квартире. Потом пришли какие-то люди, обшарили его квартиру, надели на него наручники и увезли с собой.

Ещё он помнит, что ему задавали в течение, как показалось Владу, вечности одни и те же вопросы, но чаще всего один – зачем он убил Жанну Савельевну Гурьянову?!

Он убил Жанну?! Какой бред! Потом они стали допытываться, куда он дел нож.

Влад вяло спросил:

– Какой нож?

– Тот, которым вы убили Жанну Гурьянову.

– Я не убивал её!

Потом всё началось сначала, и он просто замолчал.

Когда они устали задавать ему вопросы, то дали телефон и разрешили сделать один звонок. Он отказался. Ему некуда и некому было звонить. По крайней мере, он так думал. Ведь у него никого на свете не было, кроме Жанны. А если Жанны больше нет, то не звонить же ему в пустоту.

Но вот пришёл адвокат. Он думал, что его к нему подослало государство. Влад где-то читал и слышал, что обвиняемым полагается общественный адвокат. Он уже собрался выгнать его, потому как ни с кем разговаривать не хотел. Но адвокат представился:

– Ян Эдвардович Белозёрский. Можно просто Ян.

И Влад невольно ответил:

– Влад Анатольевич Шафардин. Можно просто Влад.

– Вот и хорошо, – сказал адвокат и добавил: – О приятности знакомства говорить не будем, ситуация не располагает.

Влад посмотрел на него со смесью удивления и растерянности, потом ляпнул:

– Вы иностранец?

– Почему сразу иностранец, – обиделся адвокат, – уже мои прадедушка и прабабушка были российскими подданными.

– И как их сюда занесло?

– Превратности судьбы, – пожал плечами адвокат, – моего предка сослали сюда за революционную деятельность, его невеста поехала в ссылку за ним.

– А почему вашего предка сослали не в Сибирь?

– Не переменить ли нам тему, – усмехнулся адвокат, но всё-таки ответил: – Во времена далёкие считалось, что ссыльным и в этом городе жизнь мёдом не покажется.

– И вы не жалеете, что здесь оказались?

– Я? – удивился Белозёрский. – Вообще-то это моя родина и я ею вполне доволен.

– А я нет, – вздохнул Шафардин.

– И чем же она вам, в смысле родина, не угодила?

– Так вы разве не знаете, что Жанну убили?!

– Я здесь именно поэтому. И перестаньте морочить мне голову и капризничать, как ребёнок, родина здесь ни при чём!

– А разве вас не она прислала?! – неожиданно зарычал Влад.

– Мне поручила быть вашим адвокатом Клара Львовна Туманова.

– Клара Львовна? – изумился Влад.

– Не понимаю, чему вы удивляетесь, – проговорил адвокат. На самом деле Ян был доволен, что ему удалось вывести клиента из состояния сомнамбулы. Пусть лучше злится, задаёт дерзкие вопросы, чем молчит, уставившись равнодушными глазами в пространство.

– Просто я не ожидал, что её заинтересует моя судьба.

– Стоит почаще думать о людях лучше.

– Наверное, вы правы. А как она вообще узнала, что я здесь?

– Очень просто, к ней пришёл следователь.

– Бедная Клара Львовна! – воскликнул, как показалось Белозёрскому, вполне искренне Шафардин.

– Насколько я понимаю, – проговорил Ян, – вы не признаёте себя причастным к убийству Жанны Гурьяновой?

– Да вы здесь все с ума посходили! – вскочил Шафардин с места.

– Тише-тише, – сказал адвокат, – я просто обязан задать вам этот вопрос. А если вы не возьмёте себя в руки, то наше свидание могут прервать.

Влад покосился на спокойно расположившегося адвоката и, подумав, сказал:

– Я постараюсь быть сдержанным.

– Вот и отлично, – порадовался Ян. – Я могу быть уверенным, что вы будете адекватно реагировать на все мои вопросы?

– На все, – заверил его Шафардин.

– Даже на те, которые покажутся вам оскорбительными? – уточнил адвокат.

– И на них тоже, – вздохнул Шафардин.

– Как давно вы знакомы с Жанной Гурьяновой?

– Полтора года.

– А как давно вы начали жить вместе?

– Спустя полторы недели после знакомства.

– А когда вы поженились?

– 21 июня того года.

– Вы знали, что Жанна владеет сетью ювелирных магазинов?

– Узнал незадолго до свадьбы.

– А до этого?

– Я никогда не спрашивал её, откуда у неё деньги. Думал, что у неё наследство после мужа или отца.

– Вы не спрашивали её, где она работает?

– Спрашивал.

– И?

– Она ответила, что в ювелирном. Я думал, что кем-нибудь в ювелирном магазине и не ради заработка, а для удовольствия. Как и её подруга, Инна Соболева.

– Соболева тоже занимается ювелирным делом?

– Нет, она работает психологом с трудными подростками. Пишет диссертацию. Я, конечно, не понимаю, в чём заключается удовольствие работать с отморозками, но ей нравится.

– Может быть, Соболева работает с ребятами, для того чтобы они как раз не стали отморозками или встали на путь исправления.

– Может быть, – не стал спорить Шафардин, – я не вникал.

– Сожалею.

Влад снова с удивлением посмотрел на адвоката, но не стал уточнять, о чём именно тот сожалеет. Он вдруг почувствовал, что хочет, чтобы этот странный человек оставался как можно дольше с ним. Как только он уйдёт, на него снова навалится, как медведь шатун, тоска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/antonova_nataliya/orhideya-s-kapley-krovi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить